

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

БОГАТСТВО И ПРЕСТИЖ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы Тринадцатых Санкт-Петербургских
этнографических чтений

Санкт-Петербург
2014

Л. Ф. Попова
Эволюция представлений о содержании
и назначении богатства в традиционном
казахском обществе (XIX – начало XX в.)

Система ценностей каждого социума, включая ее иерархию и содержание, обусловлена типом общества, определенной стадией его развития, факторами внешнего воздействия. Для казахского кочевого мира XIX в. во многом стал переломным, что было связано с российскими колонизационными процессами, в частности, судебно-административными реформами, изменением условий землепользования, а также общим влиянием индустриальной цивилизации. Указанные обстоятельства стали причиной трансформации ряда традиционных социальных и мировоззренческих устоев, в том числе и ценностных ориентиров. Целью настоящей работы является выявление тенденций в изменении содержательной стороны такой ценности, как богатство. В качестве источников использованы, во-первых, сведения бытописателей и исследователей, которые содержат интересные наблюдения о жизненном укладе казахов; во-вторых, этнографические работы, посвященные тем или иным аспектам изучаемой проблематики. В качестве предмета специального исследования данная тема еще не рассматривалась¹.

Как известно, основным богатством у кочевников традиционно являлся скот, называвшийся у казахов арабским словом *мал*, что со временем стало означать богатство как общее понятие. *Мал* делился на две категории: *ак-мал* и *кара-мал*, соответственно, более и менее ценную группу. К первой относились лошади, ко второй – остальной скот². Именно конские табуны как в реальности, так и в фольклоре предстают сутью и символом богатства. Численность табунов у отдельных владельцев могла достигать до 25 тысяч голов и преумножалась ими, являясь знаком зажиточности. А. И. Левшин по этому поводу отмечает: «Народ сей не извлекает из богатства другой пользы, кроме тщеславия. Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: "Для чего стану я продавать мое удовольствие, деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда

табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат“»³. Любовь к лошадям часто подталкивала честных людей к конокрадству, а казахов высшего сословия побуждала порой к уходу за своим табуном, несмотря на то, что это умаляло их достоинство. Ощущение счастья от обладания табунами соседствовало с вечной тревогой об их сохранности – каждую ночь в сезон барымты⁴ можно было ожидать нападения конокрадов. Угон коней служил одним из главных источников увеличения собственного богатства. Отношение к угонам в обществе было двояким: с одной стороны, они осуждались, но с другой – на это смотрели сквозь пальцы, поскольку конокрадство рассматривалось как некий подвиг. Кража какого-либо другого животного вызывала только презрение.

Источником богатства считали помощь духов предков *аруах* и бога *кудай*, а богатый человек почитался любимцем высших сил, его называли «аруахом и кудаем одаренное, вечным счастьем наделенное, созданное для богатства священное лицо»⁵. Разорение, если оно произошло не вследствие *барымты*, понижало степень уважения к человеку, поскольку в этом случае считалось, что *аруахи* отвернулись от него. По всей видимости, факт обладания богатством, хотя бы в далеком прошлом, становился важной вехой в биографии человека. Многие авторы, возможно под влиянием образа мыслей казахов, считали нужным сообщать, был ли богат тот или иной человек и отчего разорился. Наиболее частые причины разорения – падеж скота во время джута, угоны, а также расходы на ритуалы – годовые поминки и свадьбы. Так, например, Янушкевич сообщает: «Султан Булень из рода Аблая когда-то был очень богат, но выдача замуж трех сестер со всем шиком, на какой способен степной аристократ, сильно поубавила его богатство. Сегодня у него едва ли наберется 300 коней, немалая часть которых скоро пойдет на погребальный обряд по умершей матери»⁶.

Подчеркнем эмфазу источника «...со всем шиком, на какой способен степной аристократ...», поскольку в ней содержится ключ к пониманию смысла обладания богатством в традиционном обществе казахов. Оно, прежде всего, накапливалось для того, чтобы широко расточаться на пользу всего кочевого коллектива, поэтому богатство обязательно сопрягалось с понятием «щедрость». Щедрый богач – *мырза* – вот один из социальных идеалов наряду с благородным султаном, сильным и мужественным батыром, умным и мудрым судьей – *бием*. Однако, было весьма желательно, чтобы все они при этом имели также и богатство. Чем щедрее оно тратилось, тем выше было общественное признание дарителя, его слава, престиж, влияние – ценности, относящиеся у казахов

к разряду абсолютных. Характерен пример спора двух казахских старшин о том, чей статус выше. Один из них хвалился российской медалью, второй же приводил несокрушимые аргументы: «Все меня знают, все скажут, что я делюсь моим достатком со своими... Могут сказать: "Бейсеке – вор!" Но скажут также: "Бейсеке честный, Бейсеке порядочный, человечный!"»⁷

Vice versa резко осуждалась скупость. Так, показательный эпизод описан у Янушкевича: «Джамантай Ропин... так нам отрекомендовался: "Я не хвастаюсь, но спроси обо мне – каждый знает, что я справедливый и не люблю воровать. Только одно против меня можно сказать, в чем я и сам признаюсь – я скупой"»⁸. «Скупые рыцари», которые якобы даже не делали кумыса, упоминаются авторами как исключительная аномалия.

Сравнительные материалы показывают, что подобное отношение к богатству универсально для архаичных обществ. «Щедрость, – пишет Рэдклифф-Браун, – почитается туземцами Андаманских островов как одна из наивысших добродетелей и неограниченно практикуется большинством из них»⁹.

Истоки таких установок коренятся в представлениях об общественном праве на совокупное богатство коллектива, а лица обладающие богатством – это лишь его держатели и распределители. Источники неоднократно фиксируют ситуации, когда простые общинники приходили к статусным лицам с требованием поделиться скотом. Европейцы склонны видеть в этом вымогательство, и лишь знатоки культуры комментируют событие как санкционированное обычаем обращение с просьбой поделиться номинально общим богатством. В случае крайнего обеднения члена общины богатые сородичи обязаны были оказывать ему помощь, выражавшуюся в разных формах.

В казахской культуре символом богатства человека служил не только скот. Знаки зажиточности, престижа сложились у казахов в обширную систему, маркирующую все стороны жизни – материальную культуру, ритуал, этикет и даже манеру поведения. Представляется, что в аспекте имущественного уровня можно говорить о трех вариантах казахской культуры – богатом, среднем и бедном, в каждом из которых сложились свои стандарты, ценности и даже направление этнокультурных процессов.

Так, например, зажиточные казахи уже в середине XIX в. высоко ценили дорогие, покупные ткани – бархат, парчу, шелк и полупелк, сукно, а одежду из домашних материалов – овчины и домотканины – расценивали как признак бедности. Достойным мехом для солидного человека считался мех лисы, волка, камчатского бобра¹⁰. Богатых, по замечаниям наблюдателей, в це-

лом отличала опрятность костюма. Богатая юрта должна была иметь белые покрывки солидного размера, положенные внахлест для сохранения тепла¹¹. В интерьере юрты наиболее престижными предметами считались ковры, разложенные поверх кошм, а у весьма состоятельных казахов висевшие даже и на стенах. В богатых семьях встречались украшения из перьев, их прикрепляли, например, к углам шкафчиков для посуды. Признаком зажиточности в некоторых районах считалось наличие кровати. Вышитые предметы интерьера, по данным источников, также характерны якобы для богатых, поскольку только в этих семьях женщины имели досуг для занятия вышивкой и средства для приобретения материалов. Богатой утварью считался самовар, стоивший в 1860-х гг. 10 рублей (для сравнения: цена лошади составляла 15 рублей), а также фарфоровая чайная посуда. Сосуд *саба* для изготовления кумыса в богатых семьях украшался по устью серебряной накладкой и т.д.

Характерным мерилом богатства являлось количество кумыса, производимого в семье. Бедные, по свидетельству В. В. Радлова, кумыса не делали, в то время как у баев в период дойки кобылиц его заквашивали в огромных объемах, причем каждый желающий мог потреблять напиток без всяких ограничений. Только в бедных хозяйствах коровье и овечье молоко перерабатывали вместе, в зажиточных же собирали их по отдельности. Богатые люди никогда не ели говядины, предпочитая конину, причем мясо молодых, не жеребившихся кобылиц и жеребят¹².

Ремесленное производство в кочевом обществе являлось занятием бедняков, поскольку мужской физической труд считался не престижным, и люди достаточные проводили время за беседой, сбором новостей и гостеванием¹³.

Свадебный ритуал в бедной семье, включающий сватовство и свадьбу, приходился на один год, у людей среднего достатка свадьбу проводили на следующий год после помолвки, у богатых же между сватовством и свадьбой проходило 2-3 года.

Что касается этнокультурных процессов, то отметим, что у казахов в богатой среде быстрее распространялись различные новации: например в рационе – чай и сахар; в costume – мягкие сапоги, новый, заимствованный у татар, покрой одежды. Богатые казахи, жившие вдоль пограничной линии, держали для своих русских гостей столы, стулья, столовые приборы. Об интенсивных трансформациях в среде зажиточных людей сообщает знаток казахского обычного права П. Е. Маковецкий: «Между тем как люди средние и бедные живут все еще по-прежнему (то есть неразделенной семьей), богатые, пользующиеся у киргизов особым почетом,

имеющие громадное влияние на всех окружающих и имеющие большие возможности сохранять в целости старинные обычаи, легче всего отказываются от них»¹⁴.

Как уже упоминалось, вхождение территории Казахстана в сферу влияния России предопределило глобальные перемены в судьбах кочевой культуры, по-своему развитой и совершенной. Любые системные перемены приводят ее к болезненным кризисам.

Административные реформы России, начавшиеся уже в первой половине XIX в., ввели принцип выборности местной власти, что зачеркнуло традиционную систему управления, базировавшуюся на принципе иерархичности. Как следствие появилась возможность купить власть, и обычным фоном общественной жизни стали взятки, интриги, угрозы и т. п. Традиционные социальные опоры были поколеблены. Роль султанов окончательно снизилась, так как на выборах зачастую побеждала «черная кость». Батыры в условиях жесткой борьбы российских властей с барымтой лишились поля для самореализации. Уважаемые знающие *биуи*, которые являлись судьями в силу своего авторитета, часто самоустранились от дел, так как были оскорблены тем, что ничтожные люди могли стать судьями за деньги. Таким образом, после обесценивания благородства, силы и мудрости правило бал богатство. Однако, в новых экономических и политических условиях это было уже не то богатство, которое некогда служило интересам всего коллектива. «Появилось богатство, называемое деньгами», – презрительно отзываются о нем так называемые поэты-скорбники¹⁵. Новых баев они называли «незаконнорожденными», потомками черни и рабов, их стремление к власти – неестественным. Действительно, источники нового богатства с точки зрения традиционной системы ценностей были сомнительны, а главное, что новые богачи игнорировали или извращали прежние обычаи распределения.

В ситуации кризиса общественного сознания в последней четверти XIX в. на страницах прессы развернулась дискуссия казахской интеллигенции относительно перспектив развития Казахстана. Одна из тем обсуждения – экономическая ситуация, в том числе и вопросы соотношения богатства и бедности. В целом позиции авторов можно свести к двум направлениям: традиционалистскому и модернистскому.

Традиционалисты полагали, что все лучшее – доброта, честность, человеколюбие – осталось в прошлом, а сейчас бога заменили деньги. Они с ностальгией воспевали прелесть вольной кочевой жизни, а для решения социальных проблем предлагали старинный рецепт: богатым следует делиться с бедными. Эти идеологи старины выступали с нравоучительными статьями, об-

личающими скупость богатых: «Бесспорно, что богатство хорошо, но следует помнить, что оно хорошо только в том случае, когда оно добыто честным путем и употребляется на добрые дела: достоин уважения богач, употребляющий свое богатство на пользу ближним... Вспомним скрягу Карымбая, наказанного богом за скупость, и бедного Атымбая, награжденного богом за то, что делился с бедными тем, чем был богат...»¹⁶

Модернисты справедливо полагали, что кочевой образ жизни в условиях колонизации сохранить будет трудно, учитывая активный процесс перехода части пастбищных земель в руки русских переселенцев. В связи с этим, считали они, казахам следует переходить к оседлости, развивать земледельческое хозяйство с опорой на использование техники. Особое значение часть модернистов придавала образованию, необходимости учиться у русских. Скупые баи осуждались, но и бедняков не жаловали за иждивенческие настроения, призывая преодолеть лень и больше трудиться.

Таким образом, на протяжении XIX в. традиционная система ценностей казахов подверглась деформации вследствие постепенного втягивания казахской экономики в сферу товарно-денежных отношений. Если в первой половине века сохранялись представления о богатстве как источнике общественного благосостояния и практиковались довольно архаичные способы распределения общественного продукта, то во второй половине XIX в. богатство постепенно капитализировалось и стало выступать источником социального отчуждения, что значительно обострило общественные противоречия.

---

¹ См.: Попова Л.Ф. Богатство в системе традиционных ценностей казахов в XIX в. // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: Тез. докл. 2004-2005. СПб., 2005. С. 90-93.

² Тольбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 192.

³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. С. 83.

⁴ Барымта – угон скота у тюркских кочевых народов как способ мести за обиду или возмещения причиненного ущерба.

⁵ Тольбеков С.Е. Указ. соч. С. 194.

⁶ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966.

⁷ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Астана, 2007. С. 73.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Цит. по: Семенов Ю.И. Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 110.

¹⁰ Подробнее см.: Попова Л.Ф. Знаки престижа в казахском традиционном костюме XIX – нач. XX в. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Мат-лы 7-й междунар. науч. конф. СПб., 2004. С. 70-74. Вместе с тем следует обратить внимание на существовавшие у казахов еще в первой половине XIX в. установки, направленной против роскоши (см.: Даулбаев Б. Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области (1830-1880 гг.) // Записки Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург, 1881. Вып. 4. С. 98-117.

¹¹ Красовский А.М. Область Сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч. III. С. 33.

¹² Радлов В.В. Из Сибири. М., 1980. С. 278.

¹³ Попова Л.Ф. Отношение к труду в традиционном обществе казахов-кочевников (гендерный аспект) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса. Мат-лы Девярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2010. С. 286-292.

¹⁴ Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. С. 47.

¹⁵ Скорбники – принятое в исследовательской литературе название плеяды казахских поэтов конца XIX в., находившихся в оппозиции к российским колониальным властям; термин происходит от названия поэмы Шортамбая Канаева «Зар-Заман» – «Эпоха скорби» (образное название для колониального периода).

¹⁶ Бейсембиев К. Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1961. С. 87

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙ ТРАДИЦИИ ЭТНИЧНОСТЬ

№ 1 (9)

Санкт-Петербург
2017

Сегмент внешнего продукта в казахском социуме конца XVIII – начала XX в. и способы его образования: грабеж, дань, вознаграждение, обмен, торговля

ЛАРИСА ФЕДОРОВНА ПОПОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Заведующая отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: rem_larisa@mail.ru

В статье рассмотрены основные способы получения казахами продуктов «внешнего мира» в контексте развития материальной культуры этноса на протяжении конца XVIII – начала XX в. Вслед за повышением роли обмена и торговли в экономической жизни казахов сегмент внешнего продукта увеличивался, влияя на социальные отношения и определяя сферу престижного потребления. Вместе с тем отношение к занятию торговлей в казахском обществе было неоднозначным: в целом это занятие относилось к числу не престижных, и по большей части обменно-торговые отношения с внешним миром осуществлялись при посредстве маргинального слоя обедневших кочевников. По мере вовлечения казахов в экономическую систему Российской империи развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе получило ускорение, что привело к появлению новых хозяйственных стратегий кочевников, в том числе и различных форм предпринимательства. Тем не менее, на протяжении всего рассматриваемого периода новации в сфере обмена и торговли контролировались традиционными нормами, направленными на перераспределение в коллективе тех или иных материальных благ вне зависимости от источника их поступления.

Ключевые слова: казахи, кочевники, среднеазиатские ханства, Российская империя, грабительские набеги, обмен, торговля, предпринимательство.

UDC 39

Segment of Foreign-made Commodities in the Kazakh Society in the End of the 18th – Early 20th Centuries and Ways of Obtaining Them: Plunder, Tribute, Ransom, Barter and Trade

LARISA F. POPOVA

Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
Head, Department of the Ethnography of the Peoples of the Central Asia and the Caucasus
e-mail: rem_larisa@mail.ru

The article traces the chief means of procuring foreign-made goods by the Kazakhs in the context of this ethnic group's material culture development over the period from the end of the 18th century to the early 20th century. In the wake of the growing role of barter and trade in the economic life of the Kazakhs, the volume of foreign-made goods consumed increased, impacting as it did their social relations and defining the sphere of prestigious consumption. At the same time, the general attitude to commercial enterprise in their society was far from unambiguous: on the whole, this kind of career was not looked up to, so by and large the exchange and trade with the outer world were shouldered by the marginal crust of impoverished nomads. As the Kazakhs got increasingly involved in the economic system of the Russian Empire, greater impetus was gained by market and money relationships, which resulted in the emergence of the nomads' new economic strategies, including different forms of business activities. Nevertheless, throughout the period under consideration, every innovation in the sphere of barter and trade remained controlled by the traditional norms aimed at redistribution within the collective of certain material benefits and incomes, regardless of their source of origin.

Key words: Kazakhs, nomads, Central Asian Khanates, the Russian Empire, plunder raids, exchange, trade, business enterprise.

Рассматриваемая тема лежит в русле такой обширной теоретической проблемы, как «кочевники и внешний мир», большой вклад в разработку которой внесли отечественные исследователи кочевых культур Г.Е. Марков, Н.Н. Крадин, Н.Э. Масанов, А.М. Хазанов и др.¹. Важными аспектами этой проблемы являются вопросы о пределах автаркии кочевых сообществ, о содержании и способах формирования того сегмента экономики, который мы условно называем «внешним», то есть образуемым не в рамках скотоводческого натурального хозяйства, а поступающим извне тем или иным способом. В связи с этим одним из наиболее дискуссионных является вопрос об отношении кочевников к занятию торговлей, о влиянии развивающихся в Новое время торговых отношений на экономические, социальные и культурные процессы в кочевом мире, а также об обратном воздействии кочевников на торговые связи в том или ином историко-культурном регионе. Также изучение экономики кочевых этносов способствует выявлению общего и особенного в стратегиях «человека экономического», находившегося на ранних стадиях культурогенеза или длительно переживавшего архаичные установки в сфере производства и распределения общественного продукта. Новаторские подходы к рассмотрению этих проблем изложены в трудах исследователей 1960–1970-х гг. К. Поланьи, М. Салинса, Ю. Семенова, В. Шнирельмана и многих других авторов, которые поставили задачу понимания изучаемых культур «изнутри», с учетом их нормативных установок, психологических особенностей и смысловых полей². В начале XXI в. «экономическая антропология» в России становится одним из перспективных направлений этнологических исследований, вызывающих живой интерес научного сообщества³.

В данной работе вопросы, связанные с отношением кочевников к ресурсам внешнего мира, рассмотрены на примере казахов, чья обширная этническая территория занимала в Евразии срединное положение между Россией, государствами Средней Азии и Китаем. Только одна эта геополитическая особенность позволяет отнести казахский фактор к числу наиболее влиятельных в определении динамики культурно-экономического развития Среднеазиатско-Казахстанского региона. Рассматриваемый в данной работе период конца XVIII – начала XX в. для истории Казахстана и Средней Азии стал переломным в связи с российской колонизацией, сопровождавшейся реформированием традиционных обществ и попыткой подчинения их европейским моделям социально-политического устройства. Корпус документов

этого времени позволяет современному исследователю «наблюдать» этот социальный эксперимент, выявить содержание трансформаций, почувствовать реакцию общества на вызовы времени и проанализировать адаптивные стратегии казахов-кочевников в сфере обменно-торговых отношений.

В XVIII – первой половине XIX в., по данным многих источников, казахи не были широко вовлечены в региональную систему купли-продажи. Так, например, С.Б. Броневский в 1820-х гг. отмечал, что «киргизы еще мало побуждаются вступать в торговые связи с соседями»⁴; по данным П.Е. Маковецкого (1860-х гг.) «сами киргизы занимаются торговлей сравнительно редко, да и те, кто поселился ближе к городам или поблизости от них. В отдаленных волостях едва найдется несколько человек, которые, не ограничиваясь скотоводством, производят торг скотом или красным товаром»⁵.

Это обстоятельство было определено целым рядом причин, среди которых трудно выделить основную, поскольку функции каждой из подсистем кочевой культуры тесно взаимосвязаны. Можно начать с констатации, что потребность в продукции оседлого мира у кочевников Средней Азии до известного времени была сравнительно ограниченной вследствие существовавшего обыкновения не пользоваться покупными предметами роскоши, а так же из-за отсутствия в рационе углеводных продуктов (хлеб и сахар были редчайшим лакомством). О простоте быта основной массы казахов и определенном равенстве на потребительском уровне, сохранявшемся в целом до середины XIX в., свидетельствует Б.Д. Даулбаев – казах, член-сотрудник Оренбургского отдела ИРГО. Так, в одной из своих публикаций он сообщает: «Самые богатые люди, хотя доставали из Бухары ковры, шелковые и бумажные халаты и прочие материи, но не употребляли их в обыкновенное время: эти вещи переходили от отца к сыну и т.д., или же в виде приданого к дочерям; ибо в то время у киргиз как в одежде, так и в пище никакой роскоши не допускалось...»⁶. В качестве сравнения можно привести сведения Ч.Ч. Валиханова о быте киргизов богатого и сильного племени бугу: «Потребности у киргиза самые простые. Ему нужно иметь 10 баранов и несколько лошадей <...>; одной рубахи и халата <...> достаточно ему на целый год. Самые их владельцы, мананы, тоже не требовательны и довольствуются почти тем же, чем и простой черный бухара (простолюдин) <...> По ограниченности [потребностей], малочисленности и отсутствием требований торговля эта, или правильно мена, ограничивается самым ничтожным количеством

и суммой...»⁷. Установка на низкий уровень бытовых запросов является, возможно, общей характерной чертой обществ с мобильным образом жизни, что убедительно показал М. Салинс на примере австралийских охотников и собирателей. Члены этих обществ при минимальном достатке не чувствовали себя ни бедными, ни несчастными, последовательно придерживались баланса между трудовыми усилиями и отдыхом, не были обременены лишним скарбом при кочевании, создавая тем самым вполне комфортную модель социальных отношений⁸.

Следующий фактор, ограничивавший масштаб вовлечения казахов в обменно-торговые отношения, в большой степени связан с предыдущим. Поскольку главным богатством кочевников считался скот, а естественной формой его увеличения являлось пополнение поголовья, то сокращение количества скота явно наносило ущерб престижу владельца и означало его обеднение. А.И. Левшин, досконально описавший быт казахов Младшего жуза в первой четверти XIX в., приводит показательный диалог с владельцем огромного конского табуна: «Народ сей не извлекает из богатства другой пользы, кроме тщеславия. Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать мое удовольствие, деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат”»⁹. Визуализация богатства составляет характерную черту традиционной культуры многих обществ и, как будет показано ниже, рано или поздно вступает в противоречие с денежной формой накопления.

Среди причин, определявших в данный период слабое развитие торговли у казахов, находятся и культурно-психологические особенности кочевников. Так, например, город с его теснотой и базарной суетой казался кочевнику враждебным пространством, нахождение в котором воспринималось как болезненное испытание. Это очень точно зафиксировал в 1860-х гг. казахский беллетрист и бытописатель М.-С. Бабджанов: «Для ее (Ткани. – Л.П.) покупки в места продажи отправлялись немногие, большая часть, оставаясь в аулах, просили “базарчиев” (Отправляющихся на базар. – Л.П.) приветить и им нужное <...> Самим же киргизам ехать на базары <...> казалось самым трудным делом. В селениях киргизы так стеснялись, что возвращаясь домой, торжествовали, как воины после победы <...> Тогда была поговорка: “три дня не спрашивай ума и советов у того, кто был на

базаре”»¹⁰. Недаром в торговых отношениях степняков и жителей оазисов сложился институт «торгового друга»: в городе кочевник обычно имел делового партнера, помогавшего ему адаптироваться в чужом социуме и избежать обмана со стороны искушенных городских дельцов¹¹.

Кочевые общества, генетически базирующиеся на принципах иерархии (родоплеменной, статусной, возрастной и др.), чрезвычайно чувствительны к статусам и позициям на шкале «престиж». Некоторые оценки на этой шкале могли быть скользкими, изменчивыми, но значительная их часть являлась константой. Так, в системе жизнеобеспечения казахов единственно достойным делом закономерно считалось кочевое скотоводство, а все остальные занятия, и в особенности торговля, котируются как низменные, не достойные номада поприща¹². Крайне предосудительным, «в обиду предков»¹³, полагалось участие в торговых сделках султанов-чингизидов как аристократического сословия «белой кости». *Кожа* – другая группа «белой кости», ведущая свое происхождение от сподвижников пророка Мухаммеда, могла бы заниматься торговлей ввиду своего оседлого положения, но отдавала предпочтение земледелию все по той же причине¹⁴.

В своей, ставшей хрестоматийной, работе «Кочевники и внешний мир» А.М. Хазанов утверждает, что цивилизация кочевников не могла быть автаркичной, и, следовательно, торговля в этой среде представляла уважаемое и престижное занятие¹⁵. В силу обобщающего характера упомянутого труда данные тезисы могут быть приняты только как общая модель. Можно согласиться с тем, что связь с земледельческими цивилизациями для кочевников была жизненно необходимой, но продукция оседлого мира добывалась в первую очередь отнюдь не мирными способами. У номадов Средней Азии наиболее достойным средством приобретения желаемых ценностей считался грабительский набег, рассматриваемый, прежде всего, как доблесть и возможность повышения личного социального статуса. Это обстоятельство было отмечено еще первой плеядой исследователей Казахстана, среди которых наиболее видную роль играли офицеры Генерального штаба. Так, Л. Мейер отмечал, что «скотоводство составляет главный источник богатства киргизов. Еще недавно на киргиза, занимавшегося каким-то другим промыслом, за исключением грабежа, собраты смотрели с презрением»¹⁶. Институт набега на базе туркменских материалов удостоился специального внимания в монографии Ю.М. Ботякова «Аламан»¹⁷, где освещены в том числе и ценностные аспекты этого социального

феномена. Представляется, что выводы автора во многом могут быть приложены и к казахским реалиям как однотипным туркменским вследствие общих кочевнических основ культуры названных народов. Например, как и у туркмен, изживание набегов, *барымты* и других форм вооруженных действий привело казахский социум к системному кризису.

Одним из важных аспектов института набега является отношение к захваченной добыче и обычаи ее распределения. В контексте рассматриваемой темы правомерно поставить вопрос о том, какого рода предметы присваивались при грабежах караванов и какое социально-экономическое значение они имели. Безусловно, что структура награбленного вряд ли может быть исследована за отсутствием объективных данных, к тому же объем захваченных предметов был в большой мере случайным и не определялся ни потребностями общественного хозяйства, ни уровнем личных запросов кочевника. Значительная часть вещей просто погибала либо в результате физической борьбы, либо в ходе дележа, который, согласно древним обычаям, осуществлялся строго поровну – невзирая на неделимость многих предметов (ковров, часов и т.п.) – сначала между участниками набега, а затем и в кругу сородичей. Яркое свидетельство этому находим в записках врача Саввы Большого, проведенного в плену у казахов несколько лет: «Глаза мои видели, что в течение четырехдневного нашего пути так было все разделено, что ничего в целостности не осталось. Сукна, выдровые меха, кожи и другие сим подобные вещи были изорваны в мельчайшие кусочки. Математические инструменты, стигивы, астрлябии, транспортиры, циркули и проч. тут же были все переломаны и разделены по маленьким штучкам. – Иному достался только винтик, другому маленькая бляшечка. Смешно было смотреть на разделение карманных часов...»¹⁸. Часть уцелевших вещей в конечном счете пополняла пласт престижного потребления, обращалась в сокровище, присоединялась к приданому, включалась в систему дарообмена и т.п. Отдельную категорию добычи составляли пленники, торговля которыми имела вековые основания и представляла выгодную статью доходов вплоть до ее запрещения российскими властями¹⁹.

Безусловно, архаичные установки на раздел добычи в рамках кочевой общины находились в противоречии с понятием о личной выгоде, которая лежит в основе торговли как таковой. Примечательно, что в соответствии с принципом равного дележа торговая прибыль в идеале также должна была перераспределяться в интересах коллектива²⁰. Экономическое значение

набегов, в то же время, нельзя недооценивать: для обедневших кочевников это был зачастую единственный способ хоть чем-нибудь прокормиться²¹.

Грабительские набеги на торговые караваны происходили в казахских степях вплоть до середины XIX в. и даже позднее, что оказывало крайне негативное влияние на развитие торговых отношений в регионе. Российские власти отвечали на разбойнические действия репрессиями, всегда решая конфликты в пользу купцов, которые, пользуясь этим, старались подавать завышенные иски²². Во избежание грабежей требовались значительные дипломатические усилия со стороны отправителей каравана, а именно переговоры и подарки для получения согласия владетельного султана на пропуск торговцев. За пересечение подвластной султанам территории взимался *зьякет*, составлявший одну сороковую стоимости товаров²³. Право контроля торговых путей казахская аристократия использовала в качестве средства внутри- и внешнеполитического давления, повышения своего общественного авторитета, а заодно и получения материальной выгоды, хотя бы впоследствии и распределенной между членами коллектива. Коммерческая деятельность казахских ханов и султанов, несмотря на ее предосудительность в глазах общества, являлась, вероятно, частью стратегии правителя в условиях жесточайшей борьбы за власть, сопровождавшей всю историю Казахского ханства, включая и первые десятилетия колониального периода. Так, например, хан Младшего жуза Жанторе (1759–1809) производил обменные операции с оренбургским купцом Осипом Введенским и высказывал желание осуществлять акты товарного обмена вблизи ханской ставки в интересах своих подданных²⁴.

Капитан И.Г. Андреев, лично знавший одного из правителей казахов племени найман султана Абулфеиса, доподлинно свидетельствует о его усилиях по организации в 1764 г. менового двора в Семипалатной крепости: «Весьма довольно в бытность свою приохотил выходить в Семипалатную купеческих ташкентских и бухарских караванов, коих и приказывал препровождать всегда знатнейшим старшинам или же своим сыновьям»²⁵. Абулфеису не удалось противостоять грабежам, творимым его политическими соперниками, но его опыт, тем не менее, принес свои очевидные плоды – Семипалатинск постепенно стал крупным центром торговли в восточных областях Казахстана.

Развитая практика набегов на караваны не исключала у казахов мирных посреднических услуг в обслуживании караванной торговли, которые предусматривали вознаграждение

в натуральной форме или денежную плату, позволяющую приобрести внешние продукты. Извоз можно считать исконной нишей казахо-кочевников в системе региональных торговых отношений. Движение караванов в пустынных и степных пространствах было бы невозможным без обеспечения их верблюдами и ухаживающими за ними возчиками, без опытных *караванбаши* (глав караванов), без поддержки людей и животных кровом и питанием в кризисных ситуациях. Показательно, что даже нормы обычного права казахов предусматривали наказание за оставление каравана без помощи при угрозе его гибели²⁶. Заключенные договоры на доставку товаров казахи в целом исполняли добросовестно и имели хорошую репутацию среди среднеазиатских купцов, хотя в источниках описаны и случаи коварства возчиков – вымогательство дополнительной платы, задержки в пути вследствие изменения маршрута, мотивированного интересами караванщиков и т.п. Подобные инциденты не оставались безнаказанными: потерпевшие вне зависимости от подданства могли обратиться к казахским народным судьям *биям* для разбирательства по поводу нанесенного ущерба.

Практика извоза – весьма тяжелого и рискованного занятия – находилась в противоречии с принятой в казахском обществе низкой социальной оценкой труда как такового. Природа этого противоречия может быть объяснена при обращении к проблеме социального положения лиц, осуществлявших различные работы по найму. Именно этот аспект не был должным образом принят во внимание А.М. Хазановым при формулировке положения о торговле как исконном и уважаемом занятии для кочевников. Только в среде разорившихся номадов рождались не присущие скотоводам стратегии выживания – переход к земледелию, торговле, промыслам, работе по найму и др. Осевшие казахи составляли маргинальную группу, которая называлась *джатаки* (букв. – «лежащие») или *байгуши*. Социальный статус ее членов был чрезвычайно низким, а кочующие казахи относились к ним как к чужеродным отщепенцам. Как правило, казахи, потерявшие возможность кочевать, стремились вновь приобрести необходимое количество скота и вернуться к прежнему образу жизни²⁷. Поэтому, выращенный хлеб или заработанные иным способом средства *джатаки* выменивали на скот, в то же время покупные вещи, считавшиеся роскошью, вряд ли играли существенную роль в системе их жизнеобеспечения. Хотя вполне можно допустить, что в этой социально подвижной среде, так или иначе вовлеченной в обменные отношения, импорт-

ные вещи, полученные в качестве платы за труд, могли войти в повседневный обиход.

Подробные сведения об условиях найма возчиков в западной части казахской степи, где караванное движение между оазисами Средней Азии и рынками Волго-Уральского региона было особенно интенсивным, приводит П.И. Небольсин в своем уникальном труде «Очерки торговли России со Средней Азией»²⁸, удостоенном в 1856 г. половинной Демидовской премии. Среди множества любопытных фактов автор упоминает, что разные караванные маршруты «обслуживали» определенные казахские родоплеменные подразделения. Так, на Оренбург караваны сопровождали «семиродцы»²⁹, а на Троицк – казахи родоплеменного объединения байулы (Младший жуз) или кипчак (Средний жуз)³⁰. Своих верблюдов казахи отдавали подрядчику, которым мог быть и сам *караванбаши*; при большой численности взятых животных он сам нанимал помощников из одного с ним рода (на каждую сотню верблюдов приходилось 20–30 человек охраны). Условия оплаты найма верблюдов зависели от разных обстоятельств, что могло разительно сказываться на цене. Например, в 1850 г. владелец верблюда брал рубль с пуда поклажи при следовании каравана в Уральское укрепление, но если караван направлялся в Аральское укрепление, то два рубля. Возчикам выплачивали 40 копеек серебром за каждого обслуживаемого верблюда. Наем так называемых портальных верблюдов, на которых везли самое ценное имущество, обходился хозяину товара дороже³¹. За преодоление водных преград возчик получал «конец» бязи с каждого вьючного верблюда³². Как видно из приведенных данных, оплата в сфере извоза могла осуществляться как в натуральном виде, так и в денежной форме.

Следует отметить, что с водворением в степи спокойствия вследствие силовой политики России, надобность в крупных караванах стала уменьшаться, купцы не боялись отправляться уже с небольшими партиями товара. Тогда же у казахов появляется и такое новшество в способах транспортировки грузов, как телега, запряженная волами³³.

Еще один вид найма, связанный с торговлей, заключался в том, что бухарские купцы во избежание таможенных сборов на российских меновых дворах нанимали «бедного киргиза гнать скот на линию»³⁴, поскольку там казахи могли обменивать скот беспощинно.

Размер подлинных доходов казахов, работавших по найму, вряд ли возможно установить, так как этот доход, скорее всего, тоже подлежал закону перераспределения.

По всей видимости, наиболее существенную роль в удовлетворении реальных жизненных потребностей казахов издавна играл внутренний обмен между отдельными казахскими племенами. Механизм распространения товаров по казахской территории в 1860-х гг. описан А.Н. Тетеревиновым, посвятившим проблеме торговых отношений в степи отдельную работу³⁵. Согласно его данным, каждый год в конце мая на реке Сары-Су в ходе перекочевков происходили торговые встречи казахов Сырдарьинской и Семипалатинской областей, при этом первые предоставляли для обмена хлеб, баранов и верблюдов, а вторые – лошадей и крупный рогатый скот. Затем сырдарьинские казахи продвигались на летовки к северу, где променивали хлеб и скот на изделия из дерева, которым были богаты лесостепи. Торговые встречи на Сары-Су привлекали и торговцев из земледельческих оазисов региона³⁶. Обменные операции в ходе перекочевков всецело отвечали мобильному образу жизни кочевников, не требовали особых организационных усилий и специальной торговой инфраструктуры. По мнению А.К. Гейнса, «определить ценность и направление внутренней торговли нет никакой возможности»³⁷, поскольку эта деятельность протекала вдали от российских укреплений.

Древние караванные дороги, соединявшие оазисы Средней Азии с Европейской Россией, Уралом и бассейном Иртыша с их водными источниками, урочищами, бродами, казахам были известны очень хорошо и в той или иной степени использовались ими для перекочевков³⁸. В контексте современного дискурса о северных участках Шелкового пути³⁹ данные по истории этих трасс представляют большой интерес, а их картографирование могло бы послужить реконструкции масштабной картины торговых связей древности и Средневековья в Центральной Евразии.

Вполне очевидно, что благодаря внутреннему обмену в те или иные территориальные сегменты казахского социума поступал самый необходимый ассортимент продуктов. Как массовая продукция натурального хозяйства особой знаковой функцией она, видимо, не обладала, в то время как предметы, получаемые в результате обмена с внешним миром, ценились во всех отношениях намного выше. Цену импорта помимо спроса определяли высокие накладные расходы при пересечении границ, налоговые сборы, риски грабежей, отчисления на поборы сильных мира сего и т.п. Покупные изделия имели исключительно высокий знаковый статус, поскольку были включены в систему престижных ценностей, маркировали социаль-

ные ранги и опосредовали отношения дарообмена, особенно разветвленные, например, в семейной обрядности казахов.

Как участники товарного обмена казахо-кочевники всегда были привлекательны для соседних оседлых цивилизаций, так как продукты скотоводства являлись для них жизненной необходимостью, представляя собой источник белковой пищи, сырье для кустарной промышленности и ресурс для меновой торговли с другими земледельческими областями. Находили спрос в оазисах и изделия домашней промышленности казахов – веревки, ремни, войлоки, шерстяная домотканина, выделанные меха. Так же успешно сбывались природные богатства казахских земель, например, пережженная слюда, охра, саксауловый уголь⁴⁰. Меновые дворы в городах среднеазиатских государств предоставляли кочевникам наряду с правовыми гарантиями возможность пользования торговой инфраструктурой (караван-сараями, лавками, услугами маклера по сбыту-приобретению товаров)⁴¹. Однако же у данной легальной формы торговли с кочевниками существовала альтернатива в виде практики торговых операций на казахской территории в ходе транзитного движения караванов среднеазиатских купцов. Это позволяло торговцам избежать тех или иных сборов, что в конечном счете оброчивалось выгодой и для кочевников, которые могли приобрести товары дешевле.

Что же импортировали казахи из среднеазиатских ханств, обменные отношения с которыми установились гораздо раньше, нежели с Россией? Значительный удельный вес в общей массе товарообмена составляли предметы костюма, в особенности мужского. Приобретение кочевниками партий готовой одежды на территории Средней Азии и Казахстана фиксируется археологами еще в древности⁴². Популярность одежды из хлопчатобумажных тканей, несомненно, связана с ее гигиеничностью и комфортом, хотя любая покупная вещь у казахов немедленно попадала в группу предметов престижного потребления. Наиболее сложной являлась знаковая система верхней мужской одежды – халатов, шуб, чекменей, шаровар, а также головных уборов, ценность которых определялась качеством материалов и декоративных элементов⁴³. Особо следует выделить одежду из замши с тончайшей вышивкой шелком, которую изготавливали, в частности, мастера Ташкентского оазиса. Так, замшевые шаровары являлись частью костюма охотников, воинов, есаулов, а халаты носили представители сословия султанов-чинигидов. Этнографические источники, в том числе музейные материалы свидетельствуют, что большой

популярностью у мужчин пользовались импортные тканые пояса – драпирующиеся кушаки и плотные бархатные *белдик* с металлической пряжкой⁴⁴. Высоко ценилась и обувь. Например, средние слои казахов покупали у бухарцев *кара сабру* – качественные дорогие сапоги, за одну пару которых порой уступали лошадь, поскольку такие сапоги служили долго⁴⁵. Под влиянием контактов с оседлым населением региона, а также с казанскими татарами, постепенно в обиход вошли мягкие сапоги с кожаными галошами как элемент костюма, приличествующий мусульманину⁴⁶.

Потребность в привозных тканях для изготовления женского казахского костюма была обусловлена необходимостью маркировки возрастных градаций и социальных статусов женщин, в том числе посредством сортности и цвета текстильных материалов. Для изготовления женского головного убора казашек, состоявшего из глухого «капюшона» и тюрбана сложной конструкции, требовалось, как минимум, несколько метров тонкой белой ткани. Для столь важной части женского костюма как украшения требовался постоянный источник поступления привозных материалов – серебра, монет, кораллов, сердолика, жемчуга, глазчатых бус и др. По свидетельству Р. Карутца, наблюдавшего быт туркмен и казахов на Мангышлаке в начале XX в., «серебряный рубль отправляется скорее в косы женщин, чем в сундук, в плавильник странствующего ювелира, делающего из него кольца, пояса, веретена, скорее, чем в кошель мужчины»⁴⁷. Звонкая монета по разным причинам составляла основную статью экспорта из России в Среднюю Азию⁴⁸, а оттуда – и на казахские земли.

Предметы интерьера, приобретаемые казахами у среднеазиатских купцов, – это, главным образом, спальные и постилочные принадлежности: одеяла, матрасики для сидения, подушки. Они ценились за высокое качество использованного текстиля – популярной набойки, а также высокосортных полушелковых тканей, например, бухарского *адраса*. Поскольку эти вещи изначально входили в состав приданого, которое в ходе свадебных церемоний неоднократно выставлялось на всеобщее обозрение, то вполне очевидно, что их наличие являлось показателем престижа.

Столовая утварь, которая свидетельствовала о достатке семьи и ценилась как важный элемент культуры застолья, также отчасти была покупной. С развитием традиции чаепития в обиход вошли китайские фарфоровые пиалы и среднеазиатские медные сосуды для кипячения воды (позднее – русские самовары). Чай и сухофрукты

в середине XIX в. бытовали только в среде зажиточных семейств, но постепенно эти продукты стали обязательной частью трапезы, сначала парадной, а затем и повседневной. Хлеб и крупяные изделия постепенно входили в рацион кочевников на протяжении второй половины XIX в.; потребление этих продуктов в данный период имело устойчивую постоянную динамику. Полюбившуюся казахам джугару поначалу обменивали у бухарцев и хивинцев⁴⁹.

Особым спросом у казахов пользовалось среднеазиатское огнестрельное оружие, а также свинец, порох, кольчуги, сабли и другие виды холодного оружия⁵⁰.

Восточные области Казахстана во многом ориентировались при обменных операциях на Китай. После отражения в начале XVIII в. джунгарского нашествия казахи заняли часть территории бывшего Джунгарского ханства, вплотную придвинувшись к границам Поднебесной империи. Ассортимент китайского товарного импорта был освещен И.Г. Андреевым в 1770-х гг. Он сообщил, что «от китайцев получают: серебро в ямбах и мелкое, дабы синие, китайку, посуду лаковую, канфы, фанзы, лянзы и другие простые материи, штофы, парчи, бархаты и китайское платье»⁵¹.

Во второй половине XVIII в. сформировался новый вектор казахского товарообмена – им стала Россия, составившая, в первую очередь, конкуренцию Бухаре и Хиве. Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства среднеазиатских государств, что повлекло за собой активизацию с обеих сторон дипломатических и торговых миссий. В политике торговой экспансии, рассматривавшейся и как политический инструмент, на первых порах выигрывали бухарцы, но поощрительные мероприятия российских властей заставляли казахов присмотреться к новой ситуации.

Подробно исследовать номенклатуру товаров, поступавших через российскую границу, в данной работе нет необходимости, поскольку перечень их основных категорий не слишком отличался от среднеазиатских. При этом следует подчеркнуть, что рыночные связи, следуя закону всемогущего спроса, изменяли потоки товаров, и российские купцы для завоевания казахского рынка поначалу торговали именно среднеазиатским текстилем как более привычной для кочевников продукцией. Как сообщает А.К. Гейнс, «чтобы лучше угодить вкусу киргиз, нашими купцами долгое время перепродавались разные бумажные ткани, получаемые от хивинских и бухарских торговцев, и только в новейшие времена наши промышленники стали принаравливать свои произведения ко вкусу и потребностям

киргиз»⁵². Таким образом, первенствующие позиции в российском импорте занимали ткани (ситец, сукно, бархат, плис); фурнитура (галун, пуговицы); обувь; металлическая, деревянная и фарфоровая утварь (котлы, самовары, чаши, пиалы); чай и хлеб. В конце XIX в. под влиянием технического прогресса казахи научились пользоваться анилиновыми красителями, швейными машинами, сельскохозяйственной техникой. Появились и новые виды транспорта, например, тарантасы⁵³.

Сфокусируем внимание на тех обстоятельствах, которые уже в первой половине XIX в. благодаря российской политике способствовали увеличению объема покупных продуктов и выработке новых экономических стратегий кочевников, изменивших их ментальность в отношении занятия торговлей.

С конца XVIII в. основной формой торговли России со степняками являлась мена в пограничной зоне. Администрация Области оренбургских киргизов настоятельно приглашала казахов к торгу на линии и на меновых дворах Оренбурга, Троицка, городов Прииртышья, стимулируя их интерес различными средствами. Так, например, военный губернатор Оренбурга Г.С. Волковский для привлечения в город выборщиков нового хана Жанторе, являвшегося ставленником российской администрации, гарантировал казахам выгодные условия для обмена скота на мануфактурные изделия и т.п.⁵⁴.

Прибыль купцов от меновой торговли с казахами всегда была весьма значительной⁵⁵, поскольку неискушенному кочевнику сложно было контролировать равноценность обмена по стоимости товаров, несмотря на наличие эквивалента стоимости в виде барана-трехлетки, приравняемого к одному рублю серебром. Кроме того, сама процедура обмена скота на линии лишала кочевников инициативы в ведении торга, чем торговцы беззастенчиво пользовались⁵⁶. Это говорит о том, что для кочевого общества расчет и выгода не являлись целью сделки, важнее было получение необходимых вещей как таковых.

Позднее, в 1850–1860-х гг., меновая торговля стала разворачиваться на небольших рынках российских фортов, где своими постоянными лавками обзавелись и некоторые казахи. Безусловно, эти местные рынки не могли конкурировать с масштабами пограничной торговли, но были в состоянии удовлетворить повседневные нужды населения округи. И самое примечательное – эти очаги торговой активности в локальных сообществах способствовали важным переменам: вырос потребительский интерес, изменились даже территории зимовок,

которые казахи старались устраивать поближе к торговым факториям⁵⁷.

Примерно в этот же период на территории Казахстана развивается еще более эффективная форма торговли – обмен товарами непосредственно в казахских кочевьях. Ее инициаторами стали купцы «торговых народов» – татар, сартов, русских, казаков, направлявшие в степь своих приказчиков как для мелочной разъездной торговли, так и стационарной, организованной в российских укреплениях, а также на стихийных и регулярных ярмарках. Особенно преуспевали в этом казанские и сибирские татары как единовладельцы казахов, причем говорившие на родственном языке. Значительное количество татарских торговых приказчиков проживало в казахских аулах почти постоянно. Впоследствии такую модель торговой деятельности переняли многие русские купцы, а затем и некоторые казахи, которые в своих аулах стали заниматься мелочной торговлей и посредничеством. Торговля в степи была обоюдодовыгодной, так как позволяла экономить на таможенных сборах и тратах на дорогу до крупных ярмарок. Правда, купцы зачастую вывозили в степь нераспроданный товар низкого качества – на «азиатскую руку»⁵⁸, однако это не отражалось на покупательском спросе вследствие особенностей ценностной шкалы местного населения.

Вопрос о появлении денежного обращения у казахов мало исследован. Отправным событием, заставившим казахов обратить внимание на существование такой меры стоимости как деньги, явилось введение кибиточного налога, который с 1837 г. стали собирать именно деньгами. Однако еще довольно долго, вплоть до начала XX в., денежное обращение не смогло вытеснить натурального обмена, а деньги продолжали восприниматься как опасная и чуждая «сущность», та форма богатства, которую трудно, в отличие от скота, манифестировать и контролировать⁵⁹. Сохранение роли скота как основного богатства кочевников прекрасно проиллюстрировал Р. Карутц: «Итак, принцип накопления (Скота. – Л.П.) господствует еще и в настоящее время на Мангышлаке. Туркмены выражают его следующим образом: “Богатый охотнее платит деньгами, чем скотом, кредитор охотнее берет скот, чем деньги, а если кто-нибудь получит деньги, то он старается купить на них поскорее скот”. Золото, к которому мы стремимся и которым мы дорожим, здесь – скот еще и по настоящее время»⁶⁰.

Авторы многих исследований, посвященных казахскому быту, единодушны во мнении, что «у киргизов не имеется в обращении денег»⁶¹.

Вследствие дефицита денег в казахском обществе широкое распространение получило кредитование: торговцы предоставляли товары или денежные займы под еще не родившийся скот. В связи с этим приведем содержание деловой записки российского чиновника: «Не излишним считаю представить здесь о всеобщем кредите между киргизами, который до того распространился, что трудно найти взрослого киргиза, который не был бы кому-либо должен или не замешан в поручительство у других, или не имел бы сам должников. Причина этого явления – недостаток между кайсаками монеты, заменяемой скотом и другими невмещаемыми в карман материалами их производительности, но как скота, кожи, шерсти и т. подобные предметы ввиду их неудобообращения не всегда выгодно отдавать и не во всякое время сходно принимать, то обстоятельство это крайне пугает киргизов в исках и в делах ихней коммерции, причем слова дебет и кредит невольно внедряются между продающими и покупающими как необходимое подспорье при недостатке денег»⁶². Честность казахов при расчетах была абсолютной, тем более что долговые обязательства по нормам обычного права обеспечивались поручителями и коллективом родственников⁶³.

Экономическая стабильность во второй половине XIX в., снижение рисков при торговле на дальние расстояния, тесное общение с представителями коммерческой среды, диктат государственной фискальной политики, повышение образовательного уровня и другие факторы способствовали постепенному вхождению денег в экономический быт казахов. Так, А.Н. Красовский сообщает в 1867 г., что казахи «уже разобрались в кредитных билетах и предпочитали платить деньгами подати»⁶⁴. Кроме того, произошло осознание того, что скот является весьма уязвимой формой богатства и что в случае его падежа или других бедствий именно деньги могут решить существующую проблему, опосредуя покупку нового скота. Адаптация к реалиям товарно-денежных отношений растянулась в казахском обществе на довольно продолжительный период, длительность которого во многом зависела от близости той или иной казахской территории к границам государственных образований и, прежде всего, России. Как заметил Р. Карутц, «новая эра захватывает и эту сторону киргизской жизни, как и остальные. Кибиточный налог заставляет копить деньги, а в последнее время, благодаря развитию промышленности на Каспии, поднимается также и экспорт степной области; наплыв наличных денег должен вызвать здесь новое денежное хозяйство...»⁶⁵.

История казахского торгового предпринимательства составляет наименее исследованный аспект рассматриваемой темы. Во второй половине XIX в., когда колонизация казахской степи завершилась, процесс вовлечения казахо-кочевников в торговую деятельность, ориентированную на получение прибыли, стал более интенсивным. Если в конце XVIII в. обмен на линии казахи вели едва ли не из желания подражать друг другу⁶⁶, то в 1860–1870-х гг. казахские хозяйства становятся стабильной составляющей региональной экономики: на продуктах скотоводства в южных областях Поволжья, Приуралья, Западной Сибири активно развивается кустарная перерабатывающая промышленность⁶⁷. В этих условиях среди казахов появляются «деловые люди», которыми становились и султаны-чингизиды, давно лишившиеся исконной базы своего влияния и старавшиеся в связи с этим занять новые социальные позиции. Следует заметить, что нувориши не могли отказаться от традиционных способов удержания социального престижа, а именно распределения богатства в коллективе сородичей, помощи слабейшим и т.п.⁶⁸.

Широкие слои казахского населения находят свои торговые ниши, ориентируя сбыт на оптовых скупщиков или хозяйственных партнеров в близлежащих крестьянских селениях. В 1890-х гг. А. Букейханов пишет об экономическом положении казахов Павлодарского уезда: «Подати уплачивают деньгами, полученными от продажи шкур согума (Забоя скота на зиму. – Л.П.). Недоимок нет: богатые вносят за бедных, взysкивая с них внесенную сумму с процентами. Саудегеры и алыбсатары деньги берут займы под условием: барыши и убытки пополам»⁶⁹. Тот же автор обстоятельно описывает и меновые эквиваленты, что указывает на сохранение актуальности этого вида торговых взаимоотношений⁷⁰. В контексте нашей темы интересен перечень сфер приложения казахами наемного труда⁷¹.

Важнейшим этапом в развитии товарно-денежных отношений на территории Казахстана явилось возникновение в 1850-х гг. сети ярмарок как пространства свободной торговли. Как свидетельствует А.К. Гейнс относительно положения в Среднем жузе, «торговля скотом, без всякого участия администраций, начала принимать правильные формы; прогонные пути становятся постоянными, и посреди степей, без ведома местных властей, образуются обширные ярмарки. <...> На одной из них, при урочище Таинчикуль, распродается до 300 000 голов скота ежегодно»⁷².

Начало работы местных осенних ярмарок привлекало огромное количество кочевников, желавших сбыть скот за деньги, необходимые для уплаты подати, собиравшейся именно осенью. Ярмарка была и сроком расчета с заимодавцами. Благодаря возросшей активности российских купцов в быт казахов Среднего жуза стало вливаться больше изделий, распродававшихся на Макарьевской и Ирбитской ярмарках⁷³.

Показательно, что А.К. Гейнс считает казахов Старшего жуза, расселенных в южных областях Казахстана, в экономическом отношении менее развитыми по причине ограниченной потребности⁷⁴. Это еще раз говорит о наличии региональных особенностей в модернизационных процессах на территории Казахстана, которые необходимо учитывать при построении обобщающих культурных моделей.

На основе изложенного выше можно сделать вывод, что сегмент внешнего продукта в кочевом обществе казахов на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. вырос как в количественном, так и качественном отношении, существенно повлияв на облик материальной культуры народа. Так же существенно эволюционировали и способы его получения. Если в период до вхождения в состав России доминировало его прямое присвоение в результате грабительских набегов и простой обмен на основе эквивалента, в роли которого выступали домашние животные, то в рамках российской государственности, положившей известный предел грабегам, казахи вовлекаются в более развитые формы торговых отношений. Нельзя не заметить, что процессы экономической модернизации в казахском обществе протекали зачастую очень противоречиво из-за конфликтов социальных интересов, сопротивлению нерыночной

идеологии, заложенной в традиционной системе ценностей, слабой интеграции казахской экономики во всероссийский рынок.

Если говорить о влиянии казахского фактора на развитие среднеазиатской торговли, то остается подчеркнуть его неоднозначность вследствие ряда принципиальных отличий кочевой и оседлой цивилизаций в сфере хозяйства и соответствующих морально-правовых норм и ценностных ориентаций. Спектр этого влияния распределялся от негативных последствий грабительских набегов кочевников до взаимовыгодного посредничества, обмена и торговли в условиях мирных договоренностей или сравнительно постоянной политической стабильности в рамках имперского периода. Между границами этого спектра существовало множество форм и вариантов контактов казахо-кочевников с окружающим миром, дальнейшее изучение которых крайне важно для понимания механизмов взаимодействия культур, динамики сопутствующих новаций и сегмента сохранения базовых этнических традиций. Представляется, что спецификой этнологического подхода в изучении торговых отношений у кочевников должно быть более детальное рассмотрение соответствующих аспектов культуры повседневности, углубление социальных характеристик акторов в этой сфере, мотивов их действий и отношений. Немаловажно уделить пристальное внимание предметам импорта, их роли в формировании облика материальной культуры кочевников, знаковым функциям, динамической системе сложившихся вокруг них социальных отношений. Это позволит более адекватно понимать ценности изучаемых обществ в академическом, коммуникативном и прогностическом планах.

¹ Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевников. – М., 1995; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – М., 2000. Там же см. библиографию по проблемам культуры кочевых обществ Евразии.

² Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade: an Analysis of an Archaic Economy. – Seattle: University of Washington Press, 1966; Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi. – Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1968; Sahlins M. Stone Age Economics. – Chicago; New York, 1972. – 348 p.; Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1–3 // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Кн. 1. М., 1993; Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1989.

³ См.: Торговля в этнокультурном измерении // Мат-лы 14-х межд. санкт-петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2015; Ссорин-Чайков Н.В. «Купцы и инородцы» сто лет спустя: Введение // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 30–42. Автор приводит обширную библиографию по проблемам «экономической антропологии».

⁴ Броневский С.О. О киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. – Июнь. – 1830. – Ч. XLI. – Кн. 122. – СПб., 1830. – С. 170.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. – Алма-Ата, 1948. – С. 273.

⁶ Даулбаев Б.Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. – Вып. 4. – Оренбург, 1881. – С. 100.

⁷ Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Собр. соч.: В 5 т. – Т. I. – Алма-Ата, 1961. – С. 330.
⁸ Салин М. Экономика каменного века. – М., 1999.
⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – С. 83.
¹⁰ Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах // Сочинения (сборник статей 1861–1871 гг.). – Алматы, 1996. – С. 81, 82.
¹¹ Кармышева Б.Х. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. – М., 1979. – С. 114, 133.
¹² Попова Л.Ф. Отношение к труду в традиционном обществе казахов-кочевников (гендерный аспект) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Мат-лы 9-х Санкт-петербургских этнографических чтений. – СПб., 2010. – С. 286–292.
¹³ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. – СПб., 1889. – С. 49.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Хазанов А.М. Указ. соч. – С. 338.
¹⁶ Мейер Л. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – С. 133.
¹⁷ Ботяков Ю.М. Аламан: Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (сер. XIX – пер. пол. XX в.). – СПб., 2002.
¹⁸ Савва Большой. Заметки о приключениях в плену киргиз-кайсаков в 1803–1804 г. // Сын Отечества. – 1822. – Ч. 76. – С. 289, 290.
¹⁹ Тема торговли людьми является отдельной проблемой в изучении социально-экономических отношений в кочевых обществах. Наиболее полное освещение на казахском материале этот вопрос получил в работе: Зобнин Ф.К. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. – Вып. VI. – Семипалатинск, 1902.
²⁰ Например, у тех, кто возвратился с базара, имели право просить подарок – базарлык. См.: Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: юридический быт. – М., 2011. – С. 123.
²¹ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов (Библиотека казахской этнографии. Т. 37). – Астана, 2007. – С. 59.
²² Шахматов В.Ф. О развитии торговли и обмена в Казахстане в первой половине XIX века // Известия АН КазССР. Сер. истории, философии, экономики и права. – Вып. 3. – Алма-Ата, 1956. – С. 59.
²³ Там же. – С. 60.
²⁴ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX в.: Хан Жанторе (1759–1809). – Т. 3. – Алматы, 2001. – С. 51, 52.
²⁵ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков (Библиотека казахской этнографии. Т. 26). – Астана, 2007. – С. 54, 55.
²⁶ Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Указ. соч. – С. 123, 124.
²⁷ Островский В. Киргиз-земледелец // «Туркестанские ведомости» – этнографические рассказы (Библиотека казахской этнографии. Т. 44). – С. 241.
²⁸ Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // Записки Русского Императорского географического общества. – Т. X. – СПб., 1856.
²⁹ Семиродцы – казахи родового объединения жетіру («семь родов»), входящего в состав Младшего жуза.

³⁰ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 45.
³¹ Там же. – С. 73.
³² Там же. – С. 71.
³³ Там же. – С. 37.
³⁴ Там же. – С. 288.
³⁵ Тетеревников А.Н. Очерки внутренней торговли киргизской степи. – СПб., 1867.
³⁶ Там же. – С. 8–10.
³⁷ Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 178.
³⁸ Маргулан А.Х. Древние караванные дороги через пустыню Бетпак-Дала // Труды по культуре письменности казахского народа (Библиотека казахской этнографии. Т. 8). – С. 20–41.
³⁹ Дмитриев В.А., Герасименко Е.Е. Историко-культурное наследие России в контексте культурно-познавательного проекта «Шелковый путь» // Мат-лы 12-х Санкт-петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2013. – С. 342–355; Савинов Д.Г. Южная Сибирь в северном ареале сферы влияния Великого шелкового пути // Там же. – С. 361–369.
⁴⁰ Хорошкин А. Кызыл-Кум (историко-этнографический очерк) // «Туркестанские ведомости» – этнографические рассказы (Библиотека казахской этнографии. Т. 44). – С. 48.
⁴¹ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 146–148.
⁴² Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М., 2006. – С. 300–302.
⁴³ Попова Л.Ф. Знаки престижа в казахском традиционном костюме XIX – начала XX в. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Мат-лы 7-й междунауч. конф. – СПб., 2004. – С. 70–74.
⁴⁴ Коллекция казахской одежды из собрания Российского этнографического музея включает значительное количество подобных вещей: 8762-23362-23371 (кушаки), 8762-23524 (жесткий пояс из бухарского бархата с металлической пряжкой).
⁴⁵ Сиверс И. Письма из Сибири. – Алматы, 1999. – С. 21; Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 297, 298.
⁴⁶ Попова Л.Ф. Факторы инноваций в казахском костюме XIX в. // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: Мат-лы 7-х Санкт-петербургских этнографич. чтений. – СПб., 2008. – С. 294–300.
⁴⁷ Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке: Этнографические очерки. – СПб., 1911. – С. 43.
⁴⁸ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 209.
⁴⁹ Хорошкин А. Указ. соч. – С. 48.
⁵⁰ Фальк И. Описание всех национальностей России. – Алматы, 1999. – С. 120.
⁵¹ Андреев И.Г. Указ. соч. – С. 100.
⁵² Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 181.
⁵³ Любопытно, что в начале 1880-х гг. в Семипалатинской области богатые семьи вместо дорогостоящего свадебного головного убора *саукеле* приобретали для невесты предмет роскоши, например, тарантас. См.: Материалы по казахскому обычному праву. Указ. соч. – С. 249.
⁵⁴ Касымбаев Ж.К. Указ. соч. – С. 29, 30; Шахматов В.Ф. Указ. соч. – С. 49.
⁵⁵ Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них // Очерки Заилийского края. – СПб., 1868. – С. 185.
⁵⁶ На меновом дворе казахи сразу оказывались в руках приказчика, который вел их к «своему» купцу. Зачастую стороны уже давно знали друг друга и были связаны определенными услугами и обязательствами. Обмен

скота в этой ситуации производился, разумеется, именно на товары знакомого поставщика.
⁵⁷ Тетеревников А.Н. Указ. соч. – С. 5.
⁵⁸ Небольсин П.И. Указ. соч. – С. 271.
⁵⁹ Представляется, что в традиционных обществах разной локализации можно заметить много сходных черт в восприятии реалий товарно-денежных отношений. О социально-психологических особенностях отношения к деньгам в Европе в раннесредневековый период см.: Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: Очерки исторической антропологии. – СПб., 2010; см. также: Специальная тема номера: Антропология денег / Отв. ред. С.П. Тютенев // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 3–27.
⁶⁰ Карутц Р. Указ. соч. – С. 43.
⁶¹ Материалы по казахскому обычному праву. Указ. соч. – С. 81.
⁶² Там же. – С. 90.
⁶³ Там же. – С. 145, 146, 206, 270.
⁶⁴ Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов. – Т. 2. – СПб., 1868. – С. 292.
⁶⁵ Карутц Р. Указ. соч. – С. 44.

⁶⁶ Из письма султана Айчувака оренбургскому губернатору А. Давыдову: «Ибо самим Вам ведомо, что если один киргизец на торг поедет и благополучно возвратится, то и протчия на того смотря, не остануются», см.: Казахско-русские отношения в XVII–XVIII вв. – Алма-Ата, 1961. – С. 626.
⁶⁷ Шахматов В.Ф. Указ. соч. – С. 65–67; Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – С. 284.
⁶⁸ Кадысова Р.Ж., Мамытова С.Н. Особенности формирования национальной казахской буржуазии в начале XX века // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVIII–XX веках: Сборн. мат-в междунауч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 202.
⁶⁹ Букейханов А.Н. Киргизы // Казахи: историко-этнографические труды (Библиотека казахской этнографии. Т. 14). – Астана, 2007. – С. 68, 69.
⁷⁰ Там же. – С. 85.
⁷¹ Там же. – С. 87.
⁷² Гейнс А.К. Указ. соч. – С. 110.
⁷³ Там же. – С. 109.
⁷⁴ Там же. – С. 125.